

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-694-703

Расширяя пределы социогуманитарного познания мира*

А.В. Торкунов

Московский государственный институт международных отношений
просп. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия
(e-mail: rectorat@inno.mgimo.ru)

Статья представляет собой рецензию на книгу Т.А. Алексеевой «Теория международных отношений как политическая философия и наука» (М.: Аспект Пресс, 2019). Последние десятилетия отмечены масштабными трансформациями: меняются пространственно-временные характеристики политических процессов — ускоряется политическое время, сжимается политическое пространство, меняется очередность этапов политического развития; размываются грани между внутренним и внешним, центром и периферией, материальным и нематериальным. Причем данные изменения охватывают и внутреннюю, и международную политику, хотя сложность мирополитических сдвигов превосходит внутренние коллизии. Осмысление масштабных трансформаций запаздывает по сравнению с потребностью в их содержательном понимании. Необходимость постижения их сути — неизбежный и серьезный вызов для системы управления. В этой связи востребована теория международных исследований, которая станет точкой опоры и в постижении сути изменений, и в прогнозе будущего развития. Опираясь на достижения зарубежной и отечественной теории международных отношений (ТМО), Алексеева представляет развернутую концептуализацию данного научного направления. В ее книге все основные компоненты теории международных отношений нашли развернутое и детальное обоснование и сведены в единую логически непротиворечивую систему, что выводит ТМО на принципиально новый уровень теоретического и методологического обоснования. Основательность анализа позволяет использовать его результаты и для решения прикладных задач, в частности, разрешения кризисных международных ситуаций, реализации масштабных проектов научной дипломатии и подготовки нового поколения международных работников.

Ключевые слова: теория международных отношений; политическая теория; мировая политика; научная дипломатия

К представлению книги Т.А. Алексеевой «Теория международных отношений как политическая философия и наука» на страницах журнала побуждает целый ряд обстоятельств, важнейшее из которых — фундаментальный и инновационный характер издания, представляющего собой системное обоснование теории международных отношений (ТМО), что важно и для социогуманитарного знания в целом.

* © Торкунов А.В., 2020.

Статья поступила 04.05.2020 г. Статья принята к публикации 23.06.2020 г.

Прежде всего, книга позволяет лучше понять произошедшие за несколько последних десятилетий масштабные политические изменения. Порой кажется, что мир сошел с ума — настолько хаотичны разнокачественные и разнонаправленные изменения. Лавина изменений нарастает, подобно снежному кому, и образует сверхсложный социум. Тезис о сверхсложном характере современного мира иногда подвергается сомнению и воспринимается как метафора, ведь и XX век не был простым — он отмечен трагедиями мирового масштаба. Но специфическая особенность нынешнего времени состоит в том, что содержание изменений и их скорость порой превышают возможности среднестатистического человека их понять. К. Манхейм еще в середине XX века писал, что в индустриальном обществе человек лучше ориентируется, но хуже понимает суть сложных социальных явлений [4. С. 298]. Очевидно, что в постиндустриальном обществе проблема понимания социальной реальности обретает особую остроту, и осмысление перемен ощутимо запаздывает: «Указатели поставлены на колеса и имеют дурную привычку исчезать из вида, прежде чем вы успеете прочесть то, что на них написано, осмыслить прочитанное и поступить соответственно» [2. С. 113—114].

Особенно заметны изменения в сфере международной политики, которая все больше походит на игру без правил. Ушла в прошлое Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, ломаются прежде казавшиеся незыблемыми границы и нормы, включая принципы международного права, а порой игнорируются даже формальные приличия. Книга Т.А. Алексеевой реконструирует широкоформатную картину «новой нормальности», где меняются даже пространственно-временные характеристики политических процессов: происходит не просто ускорение политического времени и сжатие политического пространства, но перемена очередности этапов политического развития. Обращает на себя внимание размывание грани между внутренним и внешним, центром и периферией, материальным и нематериальным в политической жизни. Виртуализация политики накладывает на кризис морального сознания и правосознания, причем изменения охватывают и внутреннюю, и международную политику, но непредвзятому наблюдателю очевидно, что степень сложности последней значительно превосходит внутренние коллизии: международные исследования «имеют дело с самой большой и сложной системой из возможных» [5. С. 16].

Конечно, человек не волен выбирать эпоху — «времена не выбирают», однако понимание содержания и возможных последствий трансформаций — неизбежный и серьезный вызов для системы управления. И основательная теория может стать точкой опоры как для постижения сути изменений, так и прогноза их будущего развития. Кажется априори очевидным, что эффективная работа со сверхсложными системами требует системных концептуальных подходов, но это утверждение не всегда разделяется практиками. Характерна в этой связи описанная Д. Миршаймером реакция М. Олбрайт на его отзыв о значимости теории в ее деятельности на посту госсекретаря США: «Я почти увидел дым, который пошел у нее из ушей, — так она была поражена».

Во взаимоотношениях практической политики и академического мира есть сложность, и она не исключительно субъективно-психологического свойства: не только предубеждение политиков по отношению к теории является источником недоверия к ней. В основе дистанции (порой говорят даже о разрыве) между реальной политикой и политической наукой — объективное противоречие: весьма непросто в реальном процессе отделить индивидуальное от социального и закономерное от случайного. При этом *de facto* многие политики-практики, подобно мольеровскому Журдену, «говорят прозой, не подозревая об этом»: в основе любого политически значимого решения лежат устойчивые мировоззренческие ориентации и смысложизненные убеждения. Другое дело, что эти установки, как правило, не имеют характера завершённой программы и не существуют как теоретические доктрины в сознании политиков. Однако от этого они не менее значимы: «Нам нужны теории, чтобы придать смысл тому огромному потоку информации, который обрушивается на нас ежедневно, — подчеркивает американский международник С. Уолт. — Даже те политики, которые пренебрегают теорией, должны при принятии решений опираться на собственные (часто несформулированные идеи) об устройстве мира» (С. 18). Еще более прямолинеен Д. Миршаймер: «Отрицание роли теорий — это фундаментальная ошибка... Нельзя понять мир и формулировать реальную политику, не опираясь на теории» (С. 25).

Проблема в том, что практическая политика и академическая наука опираются на принципиально отличные модусы мышления и деятельности и предполагают различные психологические типы. Высокодинамичный характер практической политики требует оперативности, в ней много субъективного — что продиктовано особенностями ситуации, личностно-психологическими характеристиками конкретных политиков, их взаимными отношениями, и случайность играет немалую роль. Иначе говоря, реальная политика — это арена страстей, борьба характеров, противостояние воли, столкновение интересов. А академическая традиция неспешна: ее творцы задумчивы, порой созерцательны; она как бы «парит» над коллизиями практической борьбы, ориентируясь на высокую абстракцию как идеал. Зная эти различия, нетрудно понять взаимный скептицизм политиков-практиков и мира академических штудий, хотя обе стороны взаимно нуждаются друг в друге.

Книга Т.А. Алексеевой содержит обширный материал для осмысления в том числе и этой задачи. Насыщенный фактурой текст прекрасно организован, концептуально систематизирован, открывает широкие возможности для масштабных обобщений и намечает два пути решения данной непростой задачи. Первый предполагает вовлечение представителей академических кругов во внешнеполитический процесс, например, в роли советников. В американской практике эта проблема решается иным способом — посредством так называемого «синдрома Киссинджера» (Э. Криппендорф), который предполагает вхождение академических интеллектуалов в узкий круг принимающих решения лиц. Для характеристики взаимодействия представителей двух миров

используется также понятие «вращающихся в двух направлениях дверей». Хотя подобные карьеры имеют место и в других странах, эта практика наиболее распространена в США (карьеры Д. Ная, К. Райс, М. Макфола и др.) Кроме того, в США сложилась традиция институционального участия в разработке внешнеполитических доктрин профильных «фабрик мысли». Тем не менее, отношение практиков к теории и в США остается неоднозначным, так что «синдром Киссинджера» вряд ли можно считать идеальным решением проблемы взаимодействия политической теории с практической политикой. В большинстве других политий этот сюжет не получил не только удовлетворительного решения, но даже должного понимания, хотя в целом проблема не имеет «национальной прописки», а почти повсеместна: отношения политических теоретиков и практиков, как правило, наполнены взаимным предубеждением.

Известен не только зарубежный, но и отечественный опыт участия представителей академической элиты в практической политике: на разных этапах истории к разработке внешнеполитических документов (но решения принимались, несомненно, политиками) привлекались известные ученые — Г.А. Арбатов, Н.Н. Иноземцев, Ф.М. Бурлацкий, О.Т. Богомолов (избирался народным депутатом СССР в 1989–1991 годы и депутатом Государственной Думы РФ в 1993–1995 годы). В бытность М.С. Горбачева Генсеком ЦК КПСС в качестве его советников работали член-корреспондент АН СССР Г.Х. Шахназаров и академик И.Т. Фролов, который впоследствии стал членом Политбюро и секретарем ЦК КПСС. Профессор В.П. Лукин в 1992–1994 годы служил послом России в США, а затем многократно избирался депутатом Государственной Думы от партии «Яблоко», депутатом от которой в 1993–2003 годы был и академик А.Г. Арбатов. Можно назвать и эталонный пример успешной политико-академической карьеры — биография Е.М. Примакова, который сочетал плодотворную научную деятельность с участием в большой политике, в том числе в качестве министра иностранных дел и председателя правительства России. Очевидно, что вовлечение представителей академического мира в политическое управление не только позитивно отражалось на качестве внешнеполитических решений, но и способствовало взаимному пониманию политиков и ученых. Подобная практика существует и в других странах, например во Франции (в биографии основателя и президента Французского института международных отношений Т. де Монбриаля есть период работы в системе МИДа), но такой взаимный обмен кадрами не повсеместен.

Пришедшие из академической среды политики составляют меньшинство. В условиях сверхсложной и высокодинамичной реальности совет теоретика может быть полезен, но в коллизиях большой политики далеко не всегда подобный, как правило, неспешный диалог возможен — зачастую требуются мгновенные реакции и молниеносные решения. Было бы наивно предполагать, что в критической ситуации дипломат обратится к академическим штудиям. Так есть ли здесь место теории?

Теория (как и история) в дипломатии востребована, причем по нескольким направлениям. Во-первых, она необходима как фундамент профессиональной подготовки будущих дипломатов. На решение этой задачи нацелены усилия МГИМО МИД России. Свой вклад вносит и кафедра международных отношений РУДН, на которой работают и выпускники МГИМО. Как готовить будущих международных работников? Как научить их ориентироваться в сверхсложном мире и принимать оперативные решения с учетом и теории? Социальные процессы нелинейного типа крайне сложны для постижения в образовательном процессе. Можно предположить, что знание теории в данном случае работает примерно так же, как правила математики: мало кто из взрослых досконально помнит школьный курс математики, но свою роль в дисциплинировании мышления на этапе его формирования математика уже сыграла. Кроме того, мы используем знание математики почти автоматически, не всегда сохраняя в памяти точные формулировки правил. Так что позитивную роль основательная подготовка в области политической теории в управленческой практике, несомненно, играет, хотя порой и опосредованно. Поэтому книга Т.А. Алексеевой может стать настольной в рамках подготовки будущих дипломатов, знаменуя новый подход не только к исследованию, но и к профильному обучению. Не случайно книга имеет статус адресованного магистрантам и аспирантам учебного издания — это тот случай, когда научное достижение позволяет обеспечить принципиально новое качество образовательного процесса. Причем основательность издания позволяет рекомендовать его результаты для использования в обширной социогуманитарной сфере, включая социологию, что обеспечит новое качество постижения студентами-гуманитариями закономерностей социального развития.

Следует отметить еще одну важную причину востребованности международных исследований Т.А. Алексеевой — роль ТМО в обосновании содержания и эффективных технологий научной дипломатии как направления современной публичной политики. Зарождение научной дипломатии можно отнести к середине XX века, когда обеспокоенность ученых последствиями распространения ядерного оружия побудила их объединить усилия в предотвращении атомной войны. Знаменитый манифест Рассела — Эйнштейна в 1955 году положил начало Пагуошскому движению ученых, выступающих за разоружение и международную безопасность. С тех пор контакты ученых обрели формат постоянного диалога, результаты которого в ряде кризисных ситуаций имели важное значение для урегулирования казавшихся тупиковыми обстоятельств.

Порой встречается упрощенное представление о научной дипломатии как о благостном хороводе «за все хорошее против всего плохого». Подчеркну: научная дипломатия может быть эффективной только в том случае, если опирается на точное понимание целей и мотивов партнеров, концептуализацию повестки дня, эффективные технологии межкультурной коммуникации. Конечно, не во всех случаях сотрудничество ученых достигало поставленных целей. Так, разразившаяся пандемия коронавируса показала, что, несмотря на осознание

опасности подобных глобальных рисков, преодоление национального эгоизма политиков остается актуальной задачей для ученых. Тем не менее, некоторый умеренный оптимизм внушают позитивные достижения научной дипломатии.

Почти двадцать лет действует совместная комиссия по изучению новейшей истории российско-германских отношений, сопредседателем которой является академик А.О. Чубарьян. Другой успешный формат взаимодействия представителей гражданских обществ России и Германии — Форум «Петербургский диалог», созданный в 2001 году по инициативе Президента России В.В. Путина и федерального канцлера ФРГ Г. Шредера. Форум призван углубить взаимопонимание между Германией и Россией посредством обсуждения вопросов германо-российских отношений. На базе «Петербургского диалога» развиваются совместные проекты в разных областях — от экономики до здравоохранения и культуры.

Определенный опыт есть и в работе с японскими и польскими учеными. Так, мне довелось руководить работой отечественной части Российско-польской группы по сложным вопросам двусторонних отношений, образованной в 2002 году по решению руководства России и Польши. Группа проанализировала возникшие в историческом прошлом проблемы в отношениях России и Польши и опубликовала в 2010 году монографию «Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях» [2], получившую высокие оценки отечественного и зарубежного политико-научного сообщества. В июне 2012 года российские ученые создали Комиссию по сложным вопросам истории российско-японских отношений, в состав которой вошли авторитетные представители академических сообществ двух стран. Итогом трехлетней напряженной работы стало фундаментальное издание объемом более тысячи страниц «Российско-японские отношения в формате параллельной истории», опубликованное в 2015 году в России и Японии. В 2019 году международное издательство Brill Publishers выпустило монографию на английском языке.

Реализация таких форматов научной дипломатии показывает, сколь важна в ней концептуальность. Так, важную роль в успехе Комиссии по сложным вопросам истории российско-японских отношений сыграл не только тот факт, что к моменту ее создания практика создания совместных комиссий для изучения деликатных вопросов в истории двусторонних отношений получила распространение в международном академическом сотрудничестве. Главным условием ее успеха стал точный выбор смыслового стержня деятельности — принципа «параллельной истории», предполагающего освещение одних и тех же исторических событий «параллельным взглядом», т.е. одновременно с двух сторон, что позволяет выявлять различия и точки соприкосновения в их интерпретации. Поэтому не оправдались предшествовавшие созданию Комиссии опасения, что копившиеся десятилетиями исторические обиды не позволят объективно взглянуть на прошлое (что произошло в ходе работы японских историков с китайскими и южнокорейскими коллегами), — японским и отечественным историкам удалось найти общий язык.

Приведу еще несколько примеров успешного сотрудничества ученых. С 2017 года действует инициированный на самом высоком уровне Форум «Трианонский диалог» — площадка двустороннего взаимодействия по линии гражданских обществ России и Франции. Как структура с минимальной вертикальной иерархией «Трианонский диалог» не является конкурентом для других форматов российско-французских отношений и ориентирован на максимальное присутствие во всех сферах двустороннего сотрудничества. Среди недавних по времени примеров научной дипломатии можно назвать Сочинский диалог — российско-австрийский форум, созданный в 2019 году на встрече президентов России и Австрии — В.В. Путина и А. ван дер Беллена. Осенью 2019 года состоялся первый саммит и Экономический форум Россия–Африка с участием представителей всех государств и региональных организаций континента. Форум был инициирован при непосредственном участии руководства Института Африки РАН.

Несмотря на очевидную востребованность упомянутых и аналогичных форматов, их успех был бы невозможен без опоры на концептуальное обоснование современных технологий международного взаимодействия. Именно такое глубокое по содержанию и элегантное по форме рассмотрение возможностей и функционала теории в современной политике демонстрирует Т.А. Алексеева. Вслед за Д. Миршаймером и С. Уолтом она подчеркивает, что факты сами по себе не способствуют пониманию политического процесса — постижение смысла событий возможно только в контексте качественной теории. Теория позволяет получить полное представление об истории, предлагает альтернативные пути объяснения прошлого и, соответственно, лучшего понимания настоящего. Вне теории невозможна ни диагностика проблем, ни оценка эффективности политических действий, ни, тем более, прогнозирование: «Теория особенно полезна, когда известных фактов недостаточно. Но благодаря теории мы можем догадаться о том, чего не знаем. Иными словами, теория приобретает важнейшее значение в новых ситуациях с минимальными историческими прецедентами» (С. 27).

Таким образом, книга Т.А. Алексеевой не только способствует более глубокому и точному пониманию тектонических сдвигов в современной мировой политике, но и демонстрирует возможности прикладного использования результатов исследований. Еще более важное значение рецензируемого издания состоит в системном обосновании статуса ТМО как теории среднего уровня, способной представить международное взаимодействие во всей его полноте — как включающего не только межгосударственные коммуникации, но и горизонтальные взаимодействия по линии институтов гражданского общества. Применительно к ТМО книга претендует на то, чтобы стать «большой теорией», и в этом качестве знаменует серьезный теоретический прорыв в ситуации, когда в последние годы и даже десятилетия развитие международных исследований характеризовалось фрагментацией предметного поля, дроблением ракурсов, снижением ожиданий прорывных результатов и

теоретических нововведений — большие теории, как и большие дебаты по вопросам теории, казались «уходящей натурой».

Значение системного обоснования ТМО очевидно не только для профессионалов: во-первых, концептуальное развитие ТМО — ответ критикам, которые отрицают научный статус дисциплины на основании ее вероятностной природы. Во-вторых, несмотря на то, что понятие «интернациональный» (международный) было введено еще в 1783 году И. Бенхамом, предметное поле ТМО остается объектом интеллектуальных дебатов, как и теоретические основания международных исследований. Обстоятельное обсуждение этих системных для дисциплины вопросов — серьезный вклад в их решение. В-третьих, угасание интереса к крупномасштабной постановке задач свойственно не только международным исследованиям, но многих социогуманитарным направлениям на исходе и после модерна, и концептуальное обновление ТМО способно дать импульс обновлению и иных направлений. Наконец, книга вносит ясность в целый ряд остро дискуссионных сюжетов в организации социогуманитарного знания, к числу которых относятся, например, отношения ТМО с историей и политической наукой.

Что касается отношений ТМО с исторической наукой, то Т.А. Алексеева отмечает несколько линий их продуктивного взаимодействия. Продолжая линию английской школы традиционализма и либерального институционализма, она, кажется, намерена опровергнуть убеждение В.О. Ключевского, что «история учит тому, что ничему не учит», и убеждена, что возможно извлечение исторических уроков из межгосударственных отношений: «Такие уроки могут помочь пониманию настоящего и, насколько это возможно, формированию будущего, а также предотвращению проектов изменений, в основе которых во многих случаях лежит неверная интерпретация истории» (С. 50). Данная трактовка созвучна позиции Г. Киссинджера, который правомерно указывал, что, хотя уроки истории не становятся автоматически руководством к действию, история учит по аналогии — проливая свет на сходные последствия сопоставимых ситуаций, причем «каждое поколение должно определить для себя, какие обстоятельства на самом деле являются сопоставимыми». Другая роль истории в развитии ТМО — основа для преодоления дистанции между прошлым и настоящим и более глубокого понимания минувших событий.

Отношения ТМО и политической науки менее причудливы — это отношения не просто тесного переплетения, но взаимного обогащения: не случайно первая кафедра международных отношений возникла в 1919 году в Университете Абериствита в Уэльсе (Великобритания) как результат развития и специализации политической науки.

Предметный анализ содержательного взаимодействия ТМО с историей и политической наукой позволяет Т.А. Алексеевой вплотную подойти к определению статуса и внутренней организации ТМО. Масштабные изыскания приводят автора к убеждению, что в плюралистическом мире в принципе невозможно создание единой, универсальной ТМО (С. 68–69, 73). Тем сложнее

вызов, принятый и нашедший на страницах книги достойный ответ, — вызов концептуального построения ТМО как подлинной науки, опирающейся на мультипарадигмальную методологию. Это предполагает не просто демонстрацию концептуального многообразия дисциплины, но также анализ процессов ее формирования и эволюции, рассмотрение ее больших школ и больших дебатов, а также, как это ни парадоксально, их своеобразного отрицания в рамках «культурного поворота», включая своеобразную «конструктивистскую революцию» в международных исследованиях.

Даже простое перечисление сюжетов издания показывает, сколь широк диапазон рассмотренных в нем тем, что определяет невозможность их детального анализа в краткой рецензии, поэтому адресуем читателя к самой книге. Ее главное достоинство в том, что все существенные компоненты ТМО нашли в ней развернутое и детальное обоснование, будучи сведены в логически непротиворечивую систему. Это достижение делает работу прорывной, а ее предмет — ТМО — выводит на принципиально новый уровень теоретического обоснования и прикладной востребованности.

Библиографический список

- [1] Бауман З. Глобализация. Последствия для общества и человека. М., 2004.
- [2] Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях / Под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. М., 2010.
- [3] Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.
- [4] Манхейм К. Человек и общество в эпоху преобразования // Диагноз нашего времени. М., 1994.
- [5] Российско-японские отношения в формате параллельной истории / Под общ. ред. А.В. Торкунова, М. Йокибэ. М., 2015.
- [6] Уолт С. Международные отношения: мир один, теорий много // Современная наука о международных отношениях за рубежом. Т. 1 / Под ред. И.С. Иванова. М., 2015.
- [7] Lake D.A. Why “isms” are evil: Theory, epistemology, and academic sects as impediments to understand and progress // *International Studies Quarterly*. 2011. Vol. 55. No. 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-694-703

Expanding the boundaries of the social-humanitarian knowledge of the world*

A.V. Torkunov

Moscow State Institute of International Relations
prosp. Vernadskogo, 76, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The article is a review of the book by T.A. Alekseeva *Theory of International Relations as Political Philosophy and Science* (Moscow: Aspect Press; 2019). The last decades have been marked by large-scale transformations: the spatial-temporal characteristics of political processes change —

* © A.V. Torkunov, 2020.

The article was submitted on 04.05.2020. The article was accepted on 23.06.2020.

political time accelerates, political space shrinks, sequence of the political development stages changes; boundaries between internal and external, center and periphery, material and immaterial blur. Despite the fact that these changes affect both domestic and international policies, the complexity of global political shifts significantly exceeds all internal conflicts. However, understanding of large-scale transformations lags behind the need for their meaningful interpretation. The need to understand the essence of large-scale processes is an inevitable and serious challenge for the management system. Thus, we need a theory of international research that would become a basis for both understanding the essence of changes and predicting the future development. Based on the achievements of foreign and Russian theory of international relations, T.A. Alekseeva presents a detailed conceptualization of this science. In the book, all its essential components are described in detail and combined into a logically consistent system, which brings the theory of international relations to a new level of the theoretical-methodological conceptualization. The author's comprehensive analysis allows to use its results for solving practical problems, in particular, for resolving international crisis situations, implementing large-scale projects of scientific diplomacy, and training a new generation of experts.

Key words: international studies; political theory; global politics; scientific diplomacy